
Стихи
ГЕВОРГ
ЭМИН

Авторизованный перевод с армянского

Советский писатель
Москва · 1962

ГРЯДУЩЕМУ

Помоги же мне не ошибаться,
Если сплю — пораньше просыпаться,
Если делом занят — не лениться,
Если дверь открыта — не ломиться!
Помоги несделанное дело
Не принять за счастье без предела.
Помоги мне! Дай большое право
Не кричать о славе прежде славы.
Если в сердце я стиха не выносил,
Ты не дай, чтоб на бумаге выписал.
Если камня из скалы не выломал —
Не похвастался, что стены выложил.
Если котлованов не отрыл,
Чтоб не крикнул, что дворцы сложил.

Помоги не показаться правым,
Если был я глупым и лукавым.

Дай мне не возжаждать
награжденья
За ошибки или преступленья.
Помоги мне не казаться —
Быть!
Помоги мне правильно прожить.

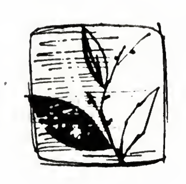

СТИХИ О ЛЕНИНЕ

Двадцать четвертый год. Январь.
Зима.
Пурга, свистя, по всей земле мела,
И траурная черная кайма,
Как наша скорбь, знамена обвила.
А он лежал недвижимый в гробу.
Великий, незабвенный человек.
Как трепет жизни, свет и тень на лбу.
И шли к нему все люди, чью судьбу
Освободил от горя он навек.

Шли с ним проститься. Сотни тысяч
шли.
Отодвигались сроки похорон.
И как похоронить его могли,
Когда к нему все шли, и шли, и шли
И поезда и день и ночь везли
Людей со всей страны, со всех сторон?

Отодвигались сроки похорон.
И как похоронить его могли,
Когда все шли потоки толп людских,
Когда идут они со всей земли,
Неся к нему любовь сердец живых?
И до сих пор конца потоку нет,
И это будет длиться много лет...
Века так будет длиться — не года! —
И похорон не будет никогда.

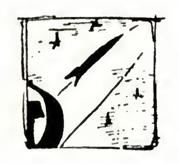
В ЭТОМ ВОЗРАСТЕ

В этом возрасте
гении уже умирали.
В жаркой битве смерть они находили.
Их любовь казнила. Их цари карали.
Или сами из жизни они уходили —
когда время их беспощадно било,
когда больше дышать невозможно
было.

Этот возраст...
Извечно и повсеместно
он влюбленного делал отцом
семейства.
Становился тренером видным
бывший
чемпион,
рекорды недавно бивший.
И актер,
что вышел уже из моды,
режиссером делался в эти годы.

И поэт,
в безвестности прозябая,
превращался попросту в краснобая
и писал мемуары свои устало,
ибо всё уже
воспоминаньем стало.

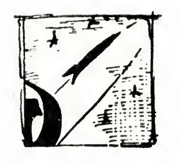
В этом возрасте,
вечно гоним судьбою,
только тот оставался самим собою,
кто не кланялся головой седою,
свои краски не разводил водою,
кто свое вдохновенье,
свое призванье
не менял на почести
и на званье.
Для тех душ мятежных,
их душ тревожных,
нет ни ложных мер,
ни оценок ложных.
И беда и зло исчезают словно,
и понятье возраста
лишь условно.

* * *

Богаче нет на свете человека:
В моих руках тяжелых —
правда века,
И существо борьбы его жестокой,
И торжество судьбы его высокой.
Меня мое богатство возвышает,
Оно мне уставать не разрешает —
Я стряхиваю с плеч моих усталость,
Чтоб и следа на сердце не осталось,
Тропой неторной весело шагаю,
Грозою горной душу обжигаю.
Еще есть города, в которых не был,
И села под веселым ясным небом.
Есть прожитые годы и грядущие,
На смену этим прожитым идущие.
Есть межпланетных далей
расстояния —
Уже я жить без них не в состоянии.
Лишь горько мне, что жизнь
однажды кончится

И не успею сделать все, что хочется,—
Меня так ветром века охватило,
Что мне б и сотни жизней не хватило...
Пока я так на краткость жизни сетую,
Мой спутник все летит орбитой светлою.
Летит орбитой звездною, вращается,
Ко мне из дальней дали обращается.
Он говорит:
— Ты дымом был незрячим,
Ты дымом был — а стань огнем горячим,
Ты был огнем — а стань гудящим
пламенем.
Чтобы тобой печаль людскую плавили.—
Он говорит:
— Ты знался только с пешими —
А ты скачи под этим ветром бешеным.
Ты мчался, перемахивая пропасти,—
А ты лети,
летать учись без робости.
Ты ощутишь, как шар земной вращается,
Как много жизней
в жизнь твою вмещается.

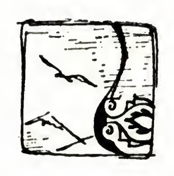

* * *

Мы в жизни не только писали стихи —
мы первые борозды нови взрывали,
мы землю очистили от шелухи
и строили мир и его воспевали.

Поэты грядущего, может быть, вам
покажется странным наш путь
небывалый:
решите вы — жизнь отдавая стихам, —
что все мы писали и скупо и мало.

Поймете ли вы, что не званьем певцов,
а ролью творцов мы гордились по праву.
Вот — я завещаю вам сорок стихов
и сорокалетней страны нашей славу.

НАД ДРЕВНИМИ РУКОПИСЯМИ

Приснилось мне: в монастыре
Севанском,
луною полуночной осиянном, —
под ливень и далекий звон копыт,
дитя рассвета, ненавистник мрака,
я мучаюсь, Геворг из Аштарака,
художник, летописец и пиит.

Себя я знаю — я земной и шалый.
Я первый среди грешников, пожалуй,
и я последний изо всех святых.
Но я молюсь, молюсь сегодня богу.
Его я призываю на подмогу
в неразрешенных сложностях своих.

Писать молитву поручили в прозе,
а я — я написал стихи о розе.
Не розами, а ладаном дышу.
Трактат о древе страшного распятья
на половине бросил и опять я
про древо жизни вечное пишу.

Не знаю, кто меня уж угораздил,
но вместо глаз твоих — о богоматерь! —
глаза Хумар — крестьянки молодой
я на листах Евангелья рисую,
и все увещевания — впустую!
Ну что ж поделать мне с моей бедой!

Да и беда ли это? Сомневаюсь.
Исправиться совсем не порываюсь,
а прорываюсь к жизни. Здесь — тоска.
Благословляю сладостные миги,
когда еретиков читаю книги,
достав их при свече из тайника.

Меня, такого, создала природа
не для молитв, а для тебя, свобода.
Свод кельи мою душу не согнет!
Ни отлученья не боюсь, ни плахи!
И не пугают ночью меня страхи,
что буду вызван на святой синод.

. . . .

Века прошли в своем движенье грозном.
Уже ракет промчалось столько
к звездам!
Но до сих пор не сплю, когда все спит,
дитя рассвета, ненавистник мрака,
я тот же все Геворг из Аштарака,
художник, летописец и пиит.

БАЛЛАДА О ДОМЕ

1

Он дома о̀тчего не знал,
Но с детских лет, как виноватый,
О чем-то смутно тосковал,
За что-то ожидал расплаты.

Он дома о́тчего не знал,
Но юношей в Александрете
Стал строить дом, — он молот взял,
Гранит тесал он на рассвете.

— Не мучься зря, — сказала мать, —
Пусть кое-как живем покуда,
Нам рано ль, поздно ль, но бежать
Придется, мальчик мой, отсюда!

Убита мать... Не раз потом
Он вспомнит об ее совете:

Он так и не построил дом,
От турок скрывшись на рассвете.

2

Он дома о́тчего не знал.
В Бейруте, как в Александрете,
Он молот взял, гранит тесал,
Чтоб в отчем доме жили дети.

Жена сказала:
— Сил не трать,
Не верь, что совершится чудо, —
Чужбине родиной не стать.
Мы все равно уйдем отсюда!

Жена скончалась... А потом,
Ее совет припоминая,
И впрямь он не достроил дом, —
Его звала страна родная.

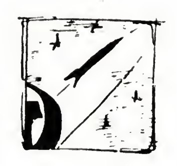
3

Он дома о́тчего не знал.
Больной, уже на склоне жизни,
Он в Ереване молот взял, —
Он строил дом в своей отчизне.

Сказала смерть:
— Старик, старик,
Пойми тщету твоих усилий,
И вся-то жизнь лишь краткий миг,
А ты одной ногой в могиле!

4

Но тот уже достроил дом
И кроет кровлю черепицей,
А у стены в саду густом
Играет внучек смуглолицый.

МОЯ СТРАНА

В чем величие моей страны,
той, чьи годы были так черны,
той, что поднялась из тьмы бездонной,
из Долины Слез, Ущелья Стона,
той, что дичью для ловца была,
но подстреленной не умерла?!
Мертв охотник, палача не стало,
а она осталась горстью малой,
горстью — не в одной руке, увы, —
стебельками скошенной травы...
Нет, спасенным семенем пшеницы,
чтоб на новой ниве колоситься.

Чем еще сильна моя страна?
Верно, тем и велика она,
что других не унижала спесью,
а сложила о Ваагне песню;
тем, что лемех берегла — не меч,
рукописей, книг живую речь;

тем, что «Крунк» сложила в дни
невзгоды
и «Ло-ло» — в резни жестокой годы.
Умирала, но живой осталась,
пропадала — снова отыскалась,

Точно голубь, что на новый кров
опустился, вить гнездо готов,
голубь, белый, как снежок на кровле,
с лапками, пурпурными от крови, —
выпорхнул из моря крови он
и глядит на чистый небосклон,
и летит, грядущий день встречая...
Такова моя страна родная.

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА

Мартиросу Сарьяну

Упала на глаза седая прядь
И шепчет старику: — О чем хлопочешь?
Чего еще ты взять от жизни хочешь?
— Я не беру. Мне б только долг отдать.

Мое — лишь то, что я оставлю здесь,
А что возьму с собою, то пропало.
Ведь я кругом в долгу. Не перечесть
Всего, что жизнь мне щедро даровала.

Как можно взять и унести с собой
Цвет материнских глаз, глубокий,
нежный,
Цвет детства беспечально-голубой,
И жгучий цвет любви, и белоснежный
Цвет старости? Что я отдам взамен
Всех красок мира доброго?

Блажен,
Кто в старости мечтает о покое,

Кто знает все и утверждать готов,
Что в радуге всего лишь семь цветов!..

И старый мастер сильною рукою
Отводит от лица седую прядь.
Он ищет краски новые опять,
Чтоб каждый раз по-новому писать
И свет, и тень, и горы, и долины.
И снова молод взгляд его орлиный.

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ

Был срок ему отпущен жизнью малый
К ее стыду —
глубокому стыду...
Орел посмертной славы запоздалый
Лишь только набирает высоту.
О, многое поэту не простили!
Иные —
знаю —
и до сих времен
Глазами равнодушными, пустыми
Глядят на дом,
в котором он рожден.
Так мало,
страшно мало —
холст и глина
Его лицо являют им на страх!
Для памятника мраморная глыба
Еще лежит,
безмолвствуя,
в горах.

Как дуб с могучей кровью в жилах
жарких,
Он задевает молнии листвой,
И молкнут сазы сладкопевцев жалких
Перед его трубою боевой.
...Его могилу ищешь ты,
наследник?
Ты не найдешь ее.
Ты не взыщи.
Могилы не бывает у бессмертных,
И ты его могилу не ищи.

СТРОИТЕЛЮ ГЕГАРДА [1]

Кто б ты ни был, неведомый мастер, —
Знаю, жизнь не щадила тебя,
Испытал ты немало напастей,
Скалы зла и насилья дробя.

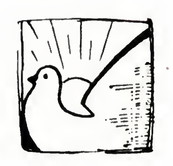
Кто б ты ни был — душе непокорной
Чужды были тюрьма иль дворец, —
Поднимал ты в стране своей горной
Камни рабства дробящий резец.

Издевались невежды в гордыне
Над величием долгой страды,
Скрытых слез было больше, чем ныне
В этом старом колодце воды.

---

[1] Древний храм, высеченный в скале.

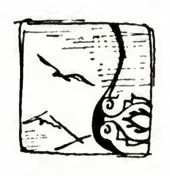
Кто б ты ни был — светла твоя доля.
Будь же благословенна рука
Человечья, чья дерзкая воля
Стала памятником на века.

* * *

Эти голуби —
Легенды белые —
Приютились в разрушенном
монастыре.
Эти голуби —
Легенды белые —
Кровь на лапках,
Но ни пятнышка на пере!

Эти голуби в старом монастыре.

ТАНЕЦ САСУ́НЦЕВ

Вы у нас в Ашна́ке бывали?
Абрикосы с деревьев сбивали?
Здесь отары движутся в горы,
Собираясь взобраться повыше,
Здесь большие плоские крыши:
С них удобно вести разговоры.
Покричав с этих крыш друг другу,
Собираются около клуба
И ребята — широкие брюки,
И девчата — красные губы.
Зурначей призывные клики
Приглашают в Ашнак на праздник
И соседей, живущих в Шхарши́ке,
И друзей из селений разных —
Ахагчи́ и Давидаше́на,
Катнахбю́ра и Саснаше́на:
Вы молотите? Что ж, молоти́те.
Отмолотитесь — к нам приходите.
Поглядите сасунский танец.

Пусть Сасун танцует свой танец —
Он так лихо, яростно начат!
А покуда его танцуют,
Поразмысли, что это значит,
Приглядись, о чем он толкует,
Наступая и отступая,
Отбиваясь, как будто в драке,
Улыбаясь или рыдая...
Эх ты, парень, рожденный в Ашнаке,
Ты ни разу не видел Сасуна...

Даже горный орел доныне
Не взлетал до вершин Сасуна.
Там свергаются реки к долине
И с небес осыпается манна.
Впрочем, ежели без обмана,
Эта манна — девичья придумка,
Это повод для поздних прогулок
По лугам, что ветрами продуты,
По ущельям, где ветер так гулок.
А ущелье — отличное место,
Женихов там встречают невесты,
Чтобы рядом с отцовским домом,
Параллельно старому дыму,
В новом доме был начат гомон
Новоселами молодыми,
Чтобы новая люлька качалась,
Чтобы зло поскорее кончалось,
А добро поскорей приходило.

А добро поскорей приходило...
Ну, а если народа мало,

А вокруг него темная сила,
Если он
тоскливо, устало
К небесам возносит моленья, —
Не дождаться от зла спасенья.

Еще свадьба не откипела
И звенят над столами чары,
Мать-старуха едва успела
Вскрикнуть: «Горе мне! Янычары!»
А враги уже вскачь несутся
На притихших в тоске сасунцев.
...Уходили от поля и плуга,
Покидали родные просторы.
По ущельям искали друг друга,
Поднимались с винтовкой в горы.
Сто и больше раз умирали,
Воскресали однажды нá сто.
Сто и больше раз отступая,
Наступали однажды нá сто.
Оставляли Сасун изумрудный,
Пробирались тропинкой узкой.
Уходили дорогой трудной,
Что вела до Армении русской...
Где вы, жирные земли Сасуна?
Камни бьем, чтоб земля получилась.
Где вы, бурные воды Сасуна?
Топим снег, чтоб вода получилась.
Ни пустырь, ни камень Ашнака
Хлебодарным Сасуном не станет.
Поглядим, обживемся. Однако
Янычар нас легко достанет.

Только камень на камень положат
И живых от мертвых отделят,
Снова враг нас грызет и гложет,
Снова смерть свои саваны стелет.
Так и было, покуда над нами
Не зареяло красное знамя.
Серп поднялся над золотом хлеба,
А над кузнею — молот поднялся.
И на знамени, взвитом до неба,
Герб людей трудовых показался.

Очаги у ашнакцев потухли.
А теперь закраснелись угли.
Мирный дым поднимался все выше.
Снова девушки во поле вышли
И в ущелье пошли за цветами, —
Ведь ущелье отличное место,
Пастухов там встречают невесты.
Входят в горы они с пастухами,
А выходят они — с женихами,
Чтобы рядом с отцовским домом,
Параллельно старому дыму,
В новом доме был начат гомон
Новоселами молодыми,
Чтобы новая люлька качалась,
Чтобы зло навсегда кончалось,
Чтоб добро на земле царило.

Видят люди, что зло скончалось,
А добро набирает силу.
Видят люди:
проходит осень

Без резни и без переселенья,
И весна и несколько вёсен —
Мир и дружба царят в селенье.
И во имя этого мира
Люди стелят скатерти пира.
Забывается старое лихо.
А веселье — сначала тихо,
А потом — с барабаном, с зурною,
С пляской
и безо всякой опаски
Возвращается к нашим крестьянам,
Чтоб потом прогреметь над страною
И пройти по соседним странам
Твердой поступью нашей пляски.

Поглядели соседи на танцы —
Посветлели суровые лица.
Услыхали зурну ереванцы
И сказали: «Просим в столицу!»
Услыхали зурну грузины —
И в Тбилиси ее позвали.
И сама Москва пригласила:
«Потанцуйте на фестивале!»
Вскинем руки,
Притопнем ногами —
Сколько удали в танце нашем!
Все народы притопнут за нами.
Перед целой планетой пляшем.
Поглядите на барабаны, —
Камни сыпались с гор от их боя,
А сейчас поднимутся страны
И запляшут веселой гурьбою.

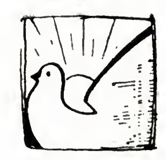
В целом свете признанье сыскала
Та зурна, что слушали скалы!
Танцевали сасунцы,
и не было
Непонятных зрителю танцев.
Нагибаются девушки с негою —
Собирают цветы, может статься.
Парень ноги в землю вбивает —
Это волка пастух добивает.
Все смешалось, словно бы в драке, —
Это враг появился в Ашнаке.
Встали плясуны и плясуньи:
Не бывать янычарам в Сасуне.
Так сасунская пляска бушует,
Что просторы Москвы заливает.
Вся страна вместе с нами танцует,
Вся Европа такт отбивает.

Эхо этого выступленья
Отдается в родном селенье.
Пробираются гости в горы,
Начинаются
переговоры,
Говорят, улыбаясь тонко:
«Мы хотим вас заснять на пленку.
Вы пляшите,
А мы — заснимем,
А потом кинофильм покажем!»
Нет ни сна, ни покоя с ними —
Целый вечер без отдыха пляшем.
Предлагают всему селенью
Поголовное переселенье:

«Что вам здесь, в деревне, томиться!
В Ереван поезжайте, в столицу».

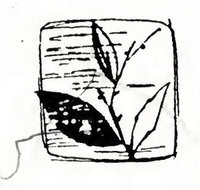
Отвечают сасунцы строго:
«Поглядел на сасунские пляски —
Уходи же своей дорогой
И другим рассказывай сказки.
Мы не только поем и пляшем,
Мы еще и сеем и пашем.
Кто же эти поля засеет,
Если всем танцевать на эстраде?
Нет, сасунец плясать умеет
Только вечером,
отдыха ради.
Не желаем жить без работы,
Без косьбы, молотьбы, запашки,
Без соленого жаркого пота,
Заливающего рубашки.
Нет в Сасуне
глоток, столь праздных,
Нету рук,
Нету ног,
столь праздных,
Чтоб они танцевали и пели,
А другого труда не терпели.
Посмотрел, милейший, — и ладно,
Проходи своею дорогой,
А крестьянской работы не трогай,
Это станет тебе накладно.
Еще земли тоскуют по плугу
И не доверху полны амбары.

Зарубежному нашему другу
Не дают дышать янычары.
Нет, сасунцы работы не бросят —
Не хотим, не желаем, не можем.
Наши братья помощи просят —
Мы трудом ежедневным поможем.
Пусть восходит горячее солнце
Над родными, большими горами...
Будут днем работать сасунцы,
А плясать и петь — вечерами».

* * *

Не отрываю пристальный взгляд
От этой земли, где росла трава,
Где люди выращивали виноград,
Жили-были, кололи дрова.
Потом по этой же самой земле
Трупы лежали в крови и мгле,
Люди убивали людей
На этой самой земле моей.
Потом превращались в пыль, в прах
Следы войны, осколки беды.
Снова трава росла на лугах.
Снова люди сажали сады.
И вновь зеленели луга от травы.
И вновь от войны сгорали поля.
Уже — от стыда покраснела земля.
О люди!
Когда опомнитесь вы?

* * *

Спросили вы меня иль не спросили,
О чем грущу я, —
расскажу сейчас.

...В Египте где-то древний город
вскрыли
И под пластом многовековой пыли
Что́ — вы подумали б —
Дошло до нас?

До нас дошли
Четыре каменных Рамзеса!
(Хотя б один!)
И в них одно и то ж —
Четыре меры и четыре веса,
Четыре силы и четыре злобы —
Четырежды умноженная ложь.

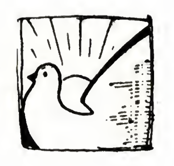
Но ведь четыре тыщи лет назад
Стихи слагали,
Плакали, любили,

Вино из жбанов глиняных цедили,
И погибали, и негодовали,
Творили, созидали и мечтали,
И жил народ, стоял великий град,
Тесали камни, строили из леса...

А что до нас дошло?

Угрюмый взгляд,
Дошли четыре каменных Рамзеса,
Четыре зла,
Четыре палача,
Четыре были или небылицы,
Торчавшие на площадях столицы
Тому четыре тыщи лет назад...

Вот так-то, друг!

* * *

Хочу, чтоб поняли меня,
что сокол над землей парит
не потому, что наказать
желает он болтливых кур,
не по расчету и злобе,
без злого умысла. Да, да...
Он просто соколом рожден.
Он просто сокол.
Он живет.

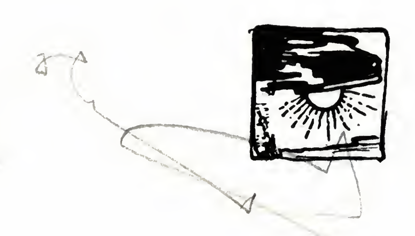
И все, что курице невмочь,
он делает легко-легко,
не мучаясь, шутя-шутя,
ну просто так, само собой.
Парит, как будто бы творит,
и камнем падает — живет,
и наслаждается, живя.

Хочу, чтоб поняли меня.
И если в звонких небесах

не удается вам парить,
парить, как будто бы царить, —
не проклинайте целый мир,
и время, и самих себя,
не ставьте соколу силки
и соколу не цельтесь в грудь
по-воровски, из-за угла.

Всё проще — стало быть, сложней.
И нужно многое понять.
Иные курицу доят,
а молока все нет и нет...

Хочу, чтоб поняли меня.

* * *

Охотились долго за гордым орлом,
И вот он свалился с подбитым крылом.
На скалах остались лягушки одни.
Что делать! Лягушки орлам не сродни.
«Нам нужно паренье, — орлу говорят. —
Лети в небеса! Что замешкался, брат?
Мы любим твой вольный и дерзостный путь...»
Орел попытался крылами взмахнуть,
Он верит, что прежние силы обрел...
Высокого неба несчастный орел!

* * *

Короче слов, чем «да» и «нет»,
Не сыщешь, хоть пройди весь свет.
Но если молвить нужно «да»,
Или отрезать «нет»,
Нам не хватает иногда
Всей жизни на ответ.

ПРОПАВШЕМУ БЕЗ ВЕСТИ

Как сказать, что ты жив?
Так сказав, я солгу.
Но сказать, что ты умер,
сумею едва ли.
На июльской траве,
на январском снегу
среди тысяч убитых
тебя не видали.
Не виденье, не сон —
а глаза лишь сомкну
и, как будто вчера,
вижу день этот летний,
этот час,
когда ты уходил на войну,
на войну уходил
восемнадцатилетний.
Тебя снег заносил,
тебя ливень хлестал,
и никто не узнал,
как ушел далеко ты.

Стал ты двадцатилетним,
а может — не стал,
ибо только живым
прибавляются годы.
Не прошу снисхожденья
у смерти —
не ей
доверяю печаль
неизбывную эту.
Я остался свидетелем
жизни твоей,
а у смерти твоей
и свидетелей нету.
Что мне делать?
Ты как бы на том берегу,
где-то там,
где ни сумерек нет,
ни рассвета.
И у смерти
твой адрес узнать не могу,
и у жизни
никак не добиться ответа.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ СОН

Мне снилось,
будто шел солдат с войны.
Он шел из окруженья. Был он ранен.
И может, потому он был так странен
и были так глаза его грустны.

Он шел дорогой дальней,
непрямой,
и вот дошел до моего порога.
— Не скажешь ли, товарищ, где
дорога,
что покороче б вывела домой?

Я говорю ему:
— Войди в мой дом.
Тебе, солдат, привал короткий нужен.
Мы печь затопим и согреем ужин.
Поспишь, да и пойдешь себе потом.

А он мне:
— Спать, приятель, не пора.

Спасибо, не хочу тебя обидеть,
но я спешу. Я должен мать увидеть.
Боюсь, что не успею — ведь стара.

И он ушел.
Еще, как метроном,
его костыль постукивал устало,
когда проснулся я. Уже светало.
Шел дождь, и были лужи за окном.

Ах, сон чужой!
Он спутал все пути.
А этот сон, наверно, мать искала.
Наверно, глаз печальных не смыкала
и не могла никак его найти.

МАТЬ И СЫН

Измученная мать не спит в сомненье
и кручине:
Обеспокоена она сыновнею судьбою,
Гадает — жив он или мертв, томится ль
на чужбине,
Быть может, бе́з вести пропал иль пал
на поле боя...

Исполнен гнева юный сын, он рушит зла
твердыни:
Он завоевывает мир упорною борьбою,
Чтоб ни одна из матерей не плакала
о сыне,
Чтоб ни один из сыновей не пал
на поле боя.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В свой тихий городок
дорогой дальнею
шагал солдат с сестрою госпитальною.

Он был незряч.
А в памяти солдата
вставало то, что было здесь когда-то.

На улочке своей,
в густой пыли,
солдат сказал: — Ну, вот мы и
пришли!

Вот это дом мой —
черная стена
отсюда хорошо уже видна.

Там тополь над арыком.
А теперь
открой смелее маленькую дверь.

Войди в нее.
Там на траве роса.
Там пес лежит, но ты не бойся пса.

Наверно, мама
дворик подметает
(я чувствую, как пыль вокруг летает).

Ты ей скажи,
что я хоть и с трудом,
хоть и слепой — а вот нашел свой
дом!

Так говорил он.
А сестра молчала.
Одна труба лишь перед ней торчала.

Чернела груда
пепла и камней.
Развалины лежали перед ней.

И дрожь
прошла у девушки по коже.
А он шептал, шептал одно и то же:

— Ну, что ты, мама,
медлишь у дверей?
Ведь это я! Открой же! Ну, скорей!

ПОГИБШЕМУ ДРУГУ

Мы с тобою дружили светло и гордо.
как река с рекою, рука с рукою.
Но одно припомнить мне нынче горько,
но одно никак не дает покою.

Мы в тот день поссорились.
Если б завтра
мы опять взглянули друг другу
в лица!..
Но уже для тебя не настало завтра.
До сих пор эта глупая ссора длится.

ПРОПАВШАЯ СКРИПКА

Брату-скрипачу, пропавшему без вести

Вот опять надо мною смычков полет.
Почему ж я не вижу знакомой скрипки?
А струна под летящим смычком поет.
Почему ж я не слышу знакомой скрипки?

Ах, маэстро, вслушайтесь — за стеной
тихо-тихо скрипка поет иная.
Плачьте, скрипки, плачьте вместе со мной,
ту погибшую скрипку припоминая.

Он играл, мелодию подхватив,
так что пальцы тонкие коченели.
Этот плещущий, как река, мотив
вы забыть не смели, виолончели.

О мальчишка-скрипач! Мне еще видны
и его глаза, и его улыбка. . .
Самый лучший скрипач не пришел с войны.
Под тяжелым танком погибла скрипка.

* * *

Письмо пришло в десять утра,
А он был убит в девять утра.
Как он ждал от матери весть...
И вот — не смог, не сумел прочесть.

Окончился бой.
Утихла смерть.
И птица — белая, словно конверт,
Летала над линией передовой,
Искала: быть может, он — живой.

ОДИНОКИЙ КРЕСТ

Он стоит у дороги,
и камень под ним тяжел,
и летят над ним журавли
чередою строгой.
По дороге этой
сын на войну ушел.
Как скончалась мать —
той же самой несли дорогой.

У подножья желтых берез
и красных осин
одинокий крест
на виду у родной округи —
словно мать,
окликая сына:
«Вернись, мой сын!»,
под дождем стоит,
раскинув тонкие руки.

ИВА

У моего крыльца — седая ива.
Старухой старой кажется она.
Стоит в тени — покорно, сиротливо, —
Как есть моя покойная жена!

Жена, бывало, смотрит на дорогу,
Глаза от солнца заслонив рукой.
Молчит, скрывает горькую тревогу,
Терзается надеждой и тоской.

Единственного сына проводила
На грозную войну и стала ждать...
И, словно ива, сгорбилась уныло,
И, словно ива, поседела мать.

Ей сын писал, что к сбору винограда
Вернется он, но вот уже семь раз
Снимали урожай родного сада,
А сына нет, и свет надежды гас.

«Найдется ль там, — скорбела мать
о сыне, —
Хоть деревце, что в зной дарует тень,
Хоть родничок найдется ль на чужбине,
Чтоб напоил сыночка в жаркий день? . .»

Томилась долго, а угасла сразу.
Ее близ дома мертвую нашли.
Похоронили по ее наказу —
В той роще, от дороги невдали...

У моего крыльца — седая ива.
Старухой старой чудится она.
Стоит в тени — покорно, сиротливо, —
Как есть моя покойная жена! . .

ГОРОД КЕСОН

Город Кесон,
город Кесон.
Когда говорят о войне,
вы словно во сне
и словно сквозь сон
вдыхаете дым и слышите гром,
видите бомбой снесенный дом...
Но есть что-то хуже, чем этот сон!
О век наш — страшнейший из всех
времен —
свидетелем будь в рассказе моем.
Есть город, который зовут — Кесон.

В том городе всё как в других городах,
хоть он и разрушен, повержен в прах,
там улицы есть
и площади есть,
домов и деревьев там тоже не счесть,
зачем же в сердце ворвалась боль,
сердце мое, отвечай, что с тобой...

Город Кесон,
город Кесон.
Вы видели, чтоб расцветал газон
и не расцвел?..
Чтоб груша цвела
и вдруг все свои плоды извела?
Чтоб пламя без света горело? Поток
журчал и тотчас скрывался в песок?
Чтоб молния не озаряла небес?
Чтоб празднества не оживляла песнь?

Город Кесон,
город Кесон.
Спален,
и разрушен,
и горем казнен.
И горечи в городе невпроворот.
Здесь нету детей, но вдоволь сирот,
здесь жен не найдешь, но не счислишь
вдов.
Все матери здесь потеряли сынов...
Как будто бы бог, не создавши Адама,
из глины слепил миллионы Ев,
но вдруг это дело оставил нежданно
и город умер, окаменев.

Город Кесон,
город Кесон.
Не только обуглен ты и казнен.
Здесь губы, рожденные для любви,
увяли, о поцелуе не зная,
как вяли цветы и травы твои,
когда налетала засуха злая.

Здесь очи любимые ищут очи,
чтоб мир увидать в любимых очах,
ищут дни напролет и ночи
и, не найдя, тускнеют в ночах.

Здесь девичьи груди не волновались
от взглядов, от слов, от любимых рук,
не подымались, как в бурю — парус,
и молоком еще не наливались,
но сжались
от ожиданий и мук.

Город Кесон,
город Кесон.
Здесь девушки ходят с вдовьим лицом.
— Ответь, любимая, где твой друг?
Где сын твой, мать? Где, сестра,
твой брат? .. —
И все поворачиваются на юг
и неотрывно туда глядят!

А там, на юге,
Кесон другой.
Он больше, чем этот, но только пустой.
Пустой, как макет,
там жителей нет,
там жизнь не слышна,
там житель единственный —
тишина.

Который год
там в земле сырой,

навеки покинув город родной,
под тысячами могильных плит
три тыщи братьев любимых спит,
три тыщи отцов,
три тыщи сынов,
три тыщи мужей,
что оставили вдов,
три тыщи юношей, что с годами
не станут мужьями,
не станут отцами.

Они молчат со времен войны,
и им под плитами не слышны
ни долгий рокот морской волны,
ни шелест сандала, ни шум
Қаягыма,
который сзывает их в город
родимый,
где вдовы с девушками опять
нона́к пытаются станцевать.
Да только не пляшется,
как не пытаются...
Без милого плачется
или печалится.

Мужчины пулями сражены,
не слышат они ни звука,
ни даже гула новой войны,
что подступает с юга,
чтоб грохотом стать,
грохотать опять
над селами, городами,

снарядами, авиабомбами стать,
пылающими домами.
Иль хуже того! —
чтобы мир, разорен,
спален и казнен,
стал похож на Кесон.

* * *

И зачем мне такое бедовое счастье!

Я, когда не пишу
И когда не влюблен,

Я — полено сухое,
Но шумит во мне лен,

Я — пустое строенье,
Но таю в себе храм,

Я — забитая птаха,
Но я окрылен,

Я лишь нуль,
Но я прячу в себе миллион.

Все таится во мне, как подземный
родник.
Но возьмусь за дела — и опять
я поник.

Что одежа! Прекрасная штука одежа!
Мне тесна моя старая, глупая кожа!

Я бы сбросил ее, как бросает змея,
Чтоб погибнуть иль вырваться
из небытия.

ИНОГДА...

Иногда,
устав от ненужных дел,
равнодушным сделаться б я хотел

и поверить:
погибни весь белый свет —
до него никакого мне дела нет.

Я приду домой,
не зажгу огня,
и не будет ничто волновать меня.

Карандаш
задумчиво очиню
и такое что-нибудь сочиню.

А про что?
Не знаю.
Про вас?
Про нас? . .
О, мудры законы твои, Парнас!

ПЕРЕД ЧАСАМИ

Ты великий? Пожалуй, да!
Я, наверное, малый? Да.
Но ведь ты, как стрелка часов,
как вот эта стрелка большая,
должен сделать двенадцать шагов,
когда я только раз шагаю.

Я тебе ничего не доказываю,
я тебе об этом рассказываю
не для славы своей и чести —
потому что с тобою вместе
я одно лишь время показываю...

Я показываю часы,
ты показываешь минуты.
В остальном как хочешь решай:
будь великим,
я буду малым,

забирай себе славу и честь.
Я останусь таким, как есть...
И, пожалуйста, время по-своему
мне показывать не мешай.

* * *

«Молчанье — это золото».
Мне издавна
Известна та затасканная истина.
Я с детства избегал ее затверживать,
Я в сердце не желал ее задерживать,
Хотя еще догадывался смутно я,
В чем подлинная суть ее подспудная...

Молчанье робких — есть незамечание,
А золото — есть плата за молчание,
Награда, что была тебе положена
За то, что сердце болью не встревожено,
За то, что лицемерье откровенное
Ты выдавал за чувство сокровенное.

Да, ты авторитет свой не замачивал,
Ты все, что полагается, замалчивал,
Пока шагал дорогой проторенною,
Ту истину усвоив немудреную,
Что золото — не слов прямых звучание,
Что золото — награда за молчание.

$2 \times 2 = 4$

Я с детства запомнил эти слова.
Все взрослые люди в мире
долбили, как дятлы,
что дважды два —
хочешь не хочешь —
четыре.
Но я убеждался
опять
и опять —
результат бывает иной —
и дважды два
иногда пять,
а иногда и ноль.
Затем,
разумеется,
взрослых виня
за то, что истину прятали,
я стал сомневаться в том,
что меня
в школе
учили правильно.

Но я излечился
                        и понял, смущен,
доволен своим извлечением,
что крепче становится
                                    каждый закон
благодаря исключениям!

ЯБЛОКО

Пылает яблоко на блюде,
Сочатся капли сквозь надрез,
Над ним о вечности и чуде
Ты философствуешь,
мудрец. . .
«О яблоко!
Его нейтроны
Познанья силу обрели,
Как бомбы,
яблоки
Ньютона
Дубасили
по лбу
земли!
Его змея дарила Еве.
Мир торжествующий гудел,
Когда на гнущихся
деревьях
Нагнулись
яблоки
грудей! . .

Оно самой земле подобно.
В нем дьявольская красота,
И солнце прячется под облако,
Как яблочко
под сень листа.
О яблоко! . .
О знак раздора!
О яблоко! . .
О суть чудес! . .
В сказаниях,
как метеоры,
Семь яблок
рушатся
с небес.

Оно содержит. . . витамин. . .»

Твой интеллект неутомим.

Он хитроумен, словно сеть.
Он полон аксиом недужных,
Кроме единственной
и нужной —
Взять это яблоко
и. . . съесть.

МОЯ ЛЮБОВЬ

Есть у любви свое начало
И свой конец. Но тем странней,
Что в этот раз — прощанье с ней
Ее рожденье означало.

* * *

Тот,
кого ты так любишь во мне давно,
вовсе иные имеет черты
и склонности.
Мне,
на него похожему,
не дано
его доброты,
его чистоты
и скромности.
Как я порой ревную тебя
к нему,
хоть он и носит имя мое
и отчество!
Если ты догадаешься,
что к чему, —
холодом обоймет тебя
одиночество.
О, не гаси же
в окнах своих
огня!

Крылья мои оставь мне,
как утешение.
Чем ты ни лучше думаешь
про меня —
тем становлюсь и вправду я
совершеннее.

РОЯЛЬ

Он был уже давно похож на шкаф.
На старый шкаф с одеждой
пропыленной.
Хозяин его запер на замок
и спрятал ключ в кармане,
и расставил
на нем слонов
и гипсовых амуров.
И то, что было некогда роялем,
на шкаф старинный стало походить.

А в комнате был шум,
и штукатурка
со стен валилась,
и плясали гости.
А под высокомерными слонами,
как стебельки, придавленные камнем,
дышали напряженно фуги Баха,
и грустные напевы Комитаса,
и ко всему глухой уже Бетховен,
и оглушенный криками Шопен...

Играли в на́рды,
и долму́ варили,
и белой пеной пиво исходило,
и ел шашлык хозяин,
были оба
жирны они —
хозяин и шашлык.
От плясок и от пьяного рычанья
в рояле тихо вздрагивали струны.
Они печально, жалобно звенели.

И вот тогда я вышел из себя.
Я распахнул рояль в одно мгновенье.
Я клавиши холодные погладил.
Я вышитую белую дорожку
рванул,
и семь слонов упали на пол
и безработный гипсовый амур.

И снова шкаф старинный
стал роялем,
и вновь душа рояля трепетала.
Она рыдала, буйствовала, пела,
со мной одним обидами делясь.

И гости загалдели:
— Что случилось?
— Ах, наш поэт! Он пить совсем
не может!
— Да что вы, он слонов задел
случайно! —
И сам хозяин подошел к роялю
и молча его запер на замок.

Я шел домой.
И ветер дул попутный.
И знал я точно, что мне надо делать.
Пусть гипсовый амур себе смеется,
и пусть грозятся белые слоны.
Не плачь, рояль,
постой,
не надо плакать.
Я все равно спасу тебя, рояль!

* * *

Ну зачем победа тебе, скажи?..
Вот ты войско вывел на рубежи.

Комплиментов конница мчится слева,
и ложатся справа снаряды гнева,

и пехота упрямства ползет из леса,
и тоски дымовая висит завеса,

и готовы для ревности блиндажи...
А зачем победа тебе, скажи?

Ее сердце приступом взял, разбил —
а ведь ты никогда ее не любил.

Все ровней разбитого сердца стуки —
ну, а ты зеваешь уже от скуки

и готовишь новые рубежи...
Для чего победа тебе, скажи?

ВЕСЕННЕЕ

1

Зачем мне фиалки, лишенные цвета,
когда есть глаза голубые твои,
зачем мне весна и сиянье рассвета,
когда ты приходишь
                    с улыбкой любви?

Зачем тополей ко мне тянутся руки,
когда твои нежные руки зовут?
Зачем мне слова все, и краски, и звуки,
когда ты со мною,
                    ты рядом,
                        ты — тут?

2

Ты любишь и песню и стихотворенье,
ты любишь весну и небес синеву,
лучистое солнце и моря кипенье,
ты любишь деревьев густую листву.

Так, слышишь, люби меня, дай
вдохновенья, —
как бог, будет щедрым влюбленный поэт.
Твои станут песни и стихотворенья,
деревья, и небо, и солнечный свет.

* * *

Еле-еле мой поезд оставил перрон,
Как я с ужасом, в недоуменье увидел,
Что все мчится обратно, что с разных
сторон
Все к тебе устремилось в тоске и обиде.

Побежали обратно ручьи, тополя,
И холмы, и столбы измененного рейса,
Из-под быстрых колес вырывалась земля,
Потянулись назад даже мертвые рельсы.

Ну куда же я еду?
Ведь я не глупей
Не бездушнее рельсов, столбов, тополей!..

* * *

По улицам зимним идешь ты одна,
И встречных твоя красота огневая
Мани́т и пленяет. Пускай ты грустна —
Чужим все равно. Ты идешь, напевая.
Чужим безразлично, чужим ни к чему...
А я далеко, и не выразить словом,
Как сердце по сердцу скорбит твоему,
Глаза — по глазам твоим
темно-вишневым.

Нет, я не об этом, нет, я не о тех,
Кого обаяньем чаруешь невольно.
Но кто-то один разгадал ли твой смех,
Как знак, что тебе одиноко и больно,
И кто, услыхав твой беспечный напев,
Глядел бы вослед, от тоски побледнев,
Кто руку твою не ласкал бы в тот миг,
Когда ты нуждаешься только в опоре,
И кто бы в порыве слепом не приник
Губами к губам твоим, сжатым от горя,

И кто бы, в твои заглянувши глаза,
Не страсти искал бы в их блеске неверном,
Когда засверкает скупая слеза
В глазах, словно влага во мраке
пещерном? . .
Пленяют любого твой облик и стать,
А сердце твое нелегко разгадать.
Но помни, когда не на шутку
взгрустнется —
Твой вздох я услышу, он сердца коснется.
Не этого ль жажду, не этого ль жду?
Шепни, позови — я пойму, я приду.

* * *

Ни о чем не жалеет волна,
Ей людские дела непонятны.
Что с собою приносит она,
То она и уносит обратно.

Ей, холодной, нисколько не жаль
Бросить под ноги чудо любое.
Ты ж приносишь мне только печаль,
А уносишь веселье с собою.

* * *

Опять поет влюбленный под окном.
Все об одном поет он, об одном.

Он будет петь до первых петухов.
Он нарушает ход моих стихов.

Вот, песней потревожены ночной,
соседи закряхтели за стеной.

— Едва уснешь, а он уже поет! —
ворочается сонный счетовод.

— А голос-то у мальчика высок! —
Я слышу старой девы голосок.

И управдом проснулся. Он сердит:
— Куда только милиция глядит!..

А мне, признаться, песня по душе.
Я даже о стихах забыл уже.

Поет от сердца парень. Он влюблен.
Пусть будет Муза искренной, как он.

Чтобы и мне вот так, когда пою,
в свои слова вложить любовь свою.

Пой, парень, пой в полночной тишине.
Ты нужен мне. Ты помогаешь мне.

* * *

Как ты любишь меня?
Как волна.
Как морская волна,
ты ко мне прибегаешь
и к самой груди подступаешь.
Ты морская волна.
Ты совсем как она
по прибрежным пескам
от меня отступаешь.
Из зеленых глубин
что приносишь ты мне?
Уходя от меня,
что уносишь с собою?
Что приносит волна —
неизвестно волне,
что уносит прибой —
неизвестно прибою.

Набегает волна.
Она делает резкий бросок.
И опять убегает.
Лишь мокрый песок золотится.
Мое сердце — песок побережья.
Горячий песок,
все он ждет,
что волна возвратится.

* * *

Три девочки в траве.
Три тонких линии.
Одна из них была подобна лилии.
(О детские мечты!
Они так радужны,
и все печали их — легки и радостны.)

Три девушки
в пруду вечернем плавали.
Одна из них, казалось, — жарче пламени.
(О мудрая природа!
Зелень озими
собою предвещает зрелость осени.)

Три женщины
в накрапах ливня дробного.
Одна к себе прислушалась — и вздрогнула.
(О жизни торжество!

Что ни мгновение —
в ней тайно происходит обновление.)

А дети спят.
И сны им снятся дерзкие.
На старый луг ступают ноги детские.

* * *

Ах, какая стужа!
Как она жжет!
Как стрелы вьюги нынче остры́!
Но любовь,
хоть время спешит, не ждет,
пуще разжигает свои костры.
Пляшет Анитра передо мной,
Ингрид
в тоске зазывает меня.
Все глубже голос любви земной
день ото дня,
день ото дня.
Сердце переполненное
вершит свой бег.
Ах, как неистов любви костер!
Это ничего, что короткий мой век
над головою
снега простер.

О Анитра,
                  ты пляши, пляши. . .
Плачь, моя Ингрид, к себе маня. . .
Жди в сокровенной глуши
                                    души,
тихая Сольвейг моя,
                                меня!

ИСПАНСКАЯ БАЛЛАДА

Несравненная донна Лаура жила
во дворце в кипарисах зеленых.
Даже имя одно ее, словно стрела,
поражало гидальго влюбленных.
Перед взглядом прекрасных, божественных
глаз
устоять кто-нибудь мог едва ли, —
страстно пел серенады в полуночный час
под окном ее дон Паскуале.
Возводил он любовь, как царицу, на трон,
обезумев от муки сердечной.

И дон Педро был тоже в Лауру влюблен,
встретясь с ней на пирушке беспечной.

* * *

Несравненная донна Лаура жила
во дворце своем в роще тенистой.
В красоте ее тела греховность была,
а глаза — очи Девы пречистой.

Как монах, для которого только святой
богоматери образ — отрада,
бедный дон Паскуале вечерней порой
распевал под окном серенады.
Нет, не пел он — молитвы богине слагал,
от любовной тоски изнывая.

А дон Педро легко во дворец проникал,
потаенную дверь открывая.

* * *

О, как дон Паскуале поет под окном!
Похвалу расточает он щедро.
А в покоях дворца, опьяненный вином,
целовался с Лаурой дон Педро,
наслаждался, пока не забрезжит рассвет,
и тогда, вновь прийти обещая,
уходил, поцелуя прощального след
на припухших губах ощущая.
Потаенную дверь отворив, он глядел:
у ствола кипариса, понурый,
бледный дон Паскуале восторженно пел,
веря — слушает донна Лаура!

* * *

Несравненная донна Лаура жила
во дворце средь колонн белоснежных.
Двух прелестных малюток уже родила,
ангелочков невинных и нежных.
Хоть покинул дон Педро ее — не беда,

на него она все ж не в обиде.
Вспоминает с улыбкой о нем иногда, —
кем-то вновь он увлекся в Мадриде.

Только дон Паскуале по-прежнему ждет,
неизменен в своем ритуале.
Лишь о донне Лауре мечтая, поет
под окном ее дон Паскуале.

* * *

Странный дон Паскуале поет и сейчас
и на сплетников смотрит он хмуро.
Он уверен — правдивее нет в мире глаз,
чем святой его донны Лауры.
Зря стараются: «Донна Лаура грешна!»
Что дон Педро — он был или не был?!
Существует лишь донна Лаура — она
беспорочна, как чистое небо.

И как прежде, под вечер, присев у окна,
слышит донна Лаура признанья,
но ничем не способна ответить она —
нет любви в ней и нет состраданья.

* * *

Мир велик и широк. Наступает черед,
и, любовной томимые жаждой,
тот — любимой единственную изберет,
тот — признаться в любви может каждой.

Одному — поцелуя добиться хоть раз,
и он рад, обо всем забывая.
А другому — услышать небрежный отказ,
словно крышка над ним гробовая.

Я в Испании не был, не мог, всё — дела.
Ты прости мне, читатель, заране.
Тему этой баллады девчонка дала,
так, соседка одна в Ереване.

* * *

В каждой разлуке счастливее тот,
Кто уезжает... Ему от печали
Есть исцеленье — движенье, полет,
Новое небо, новые дали.

А остающемуся каково?
Мало, что сердце изныло от жажды, —
Напоминаньями мучит его
Каждое дерево, камушек каждый...

ГАЗЕЛЛА

Морской прибой ласкает нас,
дай наглядеться на тебя.
Не опускай лучистых глаз,
дай наглядеться на тебя.
Еще мы вместе, мы еще сидим вдвоем
на берегу,
Но каждый час — не тот же час,
дай наглядеться на тебя.
Уходят в море корабли, когда-нибудь
и я уйду.
А ты, мой друг? Хоть в этот раз
дай наглядеться на тебя.
Не знает синяя волна, когда плеснет,
когда уйдет. . .
Не отводи сердитых глаз,
дай наглядеться на тебя!

БЕЗ ТЕБЯ

Таков уж распорядок бытия:
«Мол, это — ты, а это — жизнь твоя.
Хорошая она или дурная,
Тебе не предназначена иная!»
Но ведь и так бывает, что она
Одной лишь встречею озарена,
Одной-единственной, а всё, что дальше, —
Лишь вымысел, лишь изощренья фальши.
И чем любовь сильнее и верней,
Тем злей судьба и беспощадней к ней.
Вся жизнь — лишь день иль два, а то,
что после,
Уже не в сердце, не в душе, а возле.
Лишь горечь промаха и лишь тоска
По жизни, что близка и далека,
Лишь ожиданье в будущем былого —
На час, на миг, но лишь бы только снова
Вернулась жизнь... Проносятся года —
Любовь растет, как тайная беда...
А знаешь ли, для жизни все едино —
Счастливая иль скорбная година.

Равны для жизни те и эти дни —
Утрачены иль найдены они.
Есть слово «жизнь». И в этом кратком звуке
Все пропасти, все ужасы разлуки...

СТАРОЕ ДЕРЕВО

Меня и на свете не было,
а ты уже было, дерево,
и ты уже старым было.
И плач ты мой первый слышало.
Ты помнишь те слезы, дерево?
Я думаю — не забыло.

Ты друг моих игр, о дерево!
Меня ты счастливым делало,
когда я в тебе скрывался.
Одна из многих свидетельниц —
вот эта ветка высокая:
не раз я с нее срывался.

Ты всякое в жизни видело,
но ты моих тайн не выдало,
нет, листья о них молчали.
Две буквы (ах, два свидетеля!)
на ветке твоей я вырезал,
в любовной томясь печали...

Не знаю, где век мой кончится,
но где бы он ни закончился —
я верю легко и нежно —
хотя бы один-единственный
из листьев твоих желтеющих
ко мне долетит, конечно!

*

* * *

Я зимою зашел было в сад.
Как здесь холодно, пусто и голо!
Мне бы лучше вернуться назад, —
Уж такой этот сад невеселый! . .

Жестким снегом засыпанный весь,
Бугорками белеет уныло.
Я брожу как по кладбищу здесь,
Будто в поисках чьей-то могилы.

Мне подумалось — скоро весна.
Стает снег, присмиреют морозы.
Пробудясь от подземного сна,
Зацветут виноградные лозы.

Ну а люди, а люди, что спят
За кладбищенской старой оградой. . .
Хоронить бы людей, словно сад, —
Хоронить, как лозу винограда! . .

* * *

Мама моя говорит так тихо,
такая робость у ней во взоре!
Мама моя говорит так тихо,
чтоб не подслушало маму горе.

Мама привычек своих не сменит —
пусть даже радость в глазах струится,
но засмеяться она не смеет,
будто бы грех совершить боится.

Она и меня упрекает робко:
— Меня веселье твое тревожит!
Не надо, сын, смеяться громко,
а то разгневаться горе может.

Слишком ты весел, сынок, и ясен,
а смеху сердце мое не радо.
Не трудный день, мой сынок, опасен —
счастливых дней опасаться надо! . .

Ай, моя мама! С нуждою споря,
век она в доме жила убогом,
и стала робкой она от горя
и с ним считается, словно с богом.

Хотя давно его нет в помине
и горе маму не задевает,
она боится его —
                                        поныне
всё разговоры с ним затевает.

И я ее, старую, понимаю —
трудно с прожитым ей расстаться.
И я ружье свое поднимаю —
с горем маминым рассчитаться.

А горе прячется, как нарочно,
прячется горе за сердце мамы.
О, как же целиться надо точно,
чтоб не задеть мне
и сердце мамы!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Не жалуюсь на времена —
Зима и снега пелена.
Я лишь спросить хотел:
Взаправду ли была весна?
Едва заметил, что была,
И снова — зимние дела.

* * *

Кто вернет мне
Детства ясный день —

Этот ливень, этот проливе́нь,
Этот беспричинный и счастливый

Звон души, и доброту, и лень,
Вольные затеи и дела,
И печаль, которая светла,
И веселье, легкое как тень,
И незнанье никаких потерь,
Задыхающиеся слова,
Трепет камня, листьев, естества. . .

Кто вернет мне
Той тоски намек,
Испаряющийся как дымок,
Те утра, похожие на праздник,
Что на целый день продлиться мог;

Когда я скакал, сбиваясь с ног,
Просто так — в порыве ликованья,
Словно жеребенок-сосунок
Или словно жаворонок вешний,
Я клевал созвездья на заре;

И когда земля трубила в рог,
Тучи ударяли в синий бубен,
И когда у самых у ворот
Начиналась даль
Светло и пусто. . .

Где то утро? Где начало дня?
Неужели это
Для меня —
Навсегда утраченное чувство?

В САДУ

Опустели ветки абрикоса,
Персики теперь у всех в почете.
Деревце ревнует, смотрит косо,
Вспоминая о былой заботе.

Только что плоды его созрели,
Вон лежат на крыше после сбора. .
Что это за люди в самом деле:
Забывают обо всем так скоро. . .

* * *

Когда река считается свободной?
Когда летит стремглав со снежных гор
И, по камням гремя волной холодной,
Выносится в долину, на простор.

Когда свой буйный, самовластный норов
Простому человеку подчинив,
Теченье отдает без лишних споров
Раздолью виноградников и нив.

Когда обильно орошает грядки
И в мельничном рокочет колесе;
Когда не убегает без оглядки,
Сметая по пути преграды все,

Чтоб течь туда, куда ей течь охота,
В пустыне затеряться без следа
И, превратившись в мутное болото,
В чужом краю иссякнуть навсегда.

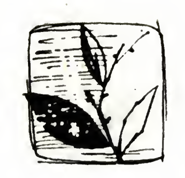

* * *

Гляжу на юных с ласковой усмешкой:
бегут, спешат...
А в спешке толк каков?
Но загнаны они такою спешкой,
что засыпают
в позах бегунов.

Спросить бы их:
куда они спешат?
Куда они торопятся, ребята?

Им до меня осталось сделать —
шаг,
а я бы... я бы...
Повернул обратно!

* * *

Дерево я посадил:
Это счастье никто не отнимет.

Знаю, что вы удивляетесь много столетий,
Много веков все тот же вопрос
себе задаете:
«Как он обходится,
Чем он живет,
Если мы отбираем
Все, что он сделает, вырастит или посадит?
Дерево — взяли.
Плоды — отобрали.
Как он живет?
Что ему остается?»

Нет, ошибаетесь!
Многое мне остается!
Дерево я посадил!
Это счастье никто не отнимет.

* * *

Зима прошла.
Деревья снег стряхнули.
Зима прошла.
Ты не стряхнул печали.
По-прежнему — с тревогой и опаской
Осматриваешь вешние деревья:

Какое зацветет?
Какое —
Промерзло, умерло, убито
И никогда об этом не узнает?

Зима прошла.
Да здравствует весна
И вешний сад!
Но. . . сколько в нем деревьев
И сколько дров?

* * *

Весенний дождь прославив одой,
Друзья, откуда было знать,
Что поведет себя природа
Поэту глупому под стать?

Все льет и льет... Не жди затишья!
И дождь, упившись похвалой,
Добротное четверостишье
Разбавил пресною водой.

* * *

Я взлетаю на «ТУ» в небеса,
Внизу молотилка ползет.

Целый мир я успел облететь,
Прежде чем она ток обошла.

Я смеялся над ней. Я не знал,
Что покуда я попусту мчусь

Сквозь холодный простор голубой —
Копит зерна она под собой.

* * *

Говорят — я воды не люблю,
Не люблю умываться.

А зачем умываться?
Вот если бы встать на рассвете
И воды зачерпнуть
И отмыть все морщины?

Вот тогда умываться бы были
причины.

* * *

Ведет меня в гору
крутая дорога.
На камень сажусь
отдышаться немного
и слышу —
кричит за спиною глупец:
«Он выдохся, братцы!
Подъему конец!»
Лишь камень падучий
не знает привала:
несется с горы,
как ни в чем не бывало.

* * *

По яростной Лорийской крутизне,
Красою неприступною плененный,
Я тихо проезжаю на коне
Усталом.
Медлен шаг тяжелозвонный.
Та красота, что греет сердце мне,
Не вызовет восторга в скакуне:
Болят бока,
И трудно — восхожденье.
Ни времени,
Ни сил
Для восхищенья.

* * *

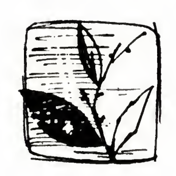
Вода зашумела в трубе,
И — сразу же — мысль о тебе,
О детство в родимых краях:
Бросаюсь с высокого камня
В шумливую речку Касах.

Вода зашумела в трубе.
Мне кажется:
я не уехал
В тот день на высокой арбе.

Мне кажется: я в Аштараке —
Окапываю виноград,
А то, что я в городе — враки, —
Ну мало ли что говорят.

Мне кажется, что я покоен,
В деревне, известно, — покой!

И очень удобно устроен —
Подобно друзьям моим сельским,
Завидующим почему-то
Судьбине моей городской.

* * *

Если нас нарисует
вдумчивый портретист
(нас, которых лишь книга только
интересует),
он нарисует большую голову
на весь лист
и ничего, наверно, другого
не нарисует.
Ни ног,
которые шагать отвыкли давно,
ни рук,
которым явно дел не хватает,
ни носа,
которому нюхать цветы дано,
ни ушей,
которые слышат,
как трава прорастает.
Он не будет ни плеч рисовать,
над листом корпя,

и ни мускулов слабых,
вздутых от напряженья.
Нарисует он голову —
ту, что сама себя
очень мудрой считает
для собственного утешенья.

* * *

Ты путаешь, мой друг,
Где истина, где — ложь,
Раздариваешь то, что не раздаривается.

Не каждый — человек, кто с человеком
схож,
Людьми становятся, а не рождаются.

* * *

Я не жаден, не скуп,
У меня не в цене —
Это золото детства,
Это серебро старости.

Дали б вечную молодость мне,
Остальное пусть вам досталось бы!

ДВУСТИШЬЯ

Путь есть течение.
Лао Цзи

1

Говоришь: «Смотри, вода!» — горячишься даром,
опоздал! Твоя вода стала сизым паром.

2

«Рождено движенье силой!» — говоришь красиво.
Только знай, что и движенье порождает силу.

3

Хочешь, чтоб «сегодня» длилось, и тебе досадно,
что оно — лишь миг в борьбе меж «вчера» и «завтра».

4

Снова прошлое ты увидеть жаждешь,
только под мостом вода протечет ли
дважды?

5

«Сколько запахов и звуков, красок прячет
ветер?»
Скоро ли, разрушив хаос, на вопрос
ответим?!

6

«Ногу я одной волной дважды не омою!»
Но нога, мудрец Эллады,
станет ведь другою...

7

Солнце, ты даришь планетам океаны света.
Ну, а что б ты стало делать, не родись
планеты?

8

Горные вершины крыты снегом славы
гордым.
Нежные цветы взрастают больше
по предгорьям.

* * *

Ну, спросил бы кто-нибудь случайно:
— Отчего ты, друг, такой печальный? . .

Или снег зимой не сыплет, или
вихрь не воет, если запретили?!

Или молния на разряженье
просит у кого-то разрешенья?

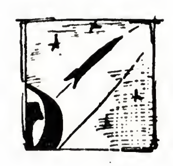
Или океан покрылся скверной?
Всех орлов свели на птицеферму?

Или в мире, где за все от века
платы требуют от человека,

нам, как прежде, не дается даром
радоваться солнцу,
морю,
травам
и словам,

что в радостные сроки
превратятся в чувства,
мысли,
строки...
Этих строк никто не слышал прежде?

Что же ходишь, хмурый, безутешный?..

ГИМН ЧЕЛОВЕКУ

Покуда писался этот листок,
Корабль-спутник «Восток»,
Послушный приказу гагаринских рук,
Сделал полный круг
В космосе.
Вернулся домой.
Прижался к груди земной
И телом своим неземным целовал
Каждый холмик родной.

Так пусть эта песня, что вслед за ним
Рвалась вдоль звездных вех,
Вернется домой — к родным, к земным,
И славит тебя, человек!

Первую славу,
Первое слово
Рукам людским возглашаю снова.
Пахали, сеяли, боронили,
Гранит для всех дворцов огранили,

Ковали цепи, томились в цепях,
Взяли дворцы,
Разбили оковы
И повели трактора в степях.

Руки! Вам мое первое слово.
Сколько сработал,
Как воевал
Этими вот руками натруженными
Человек,
сжимающий сегодня штурвал,
Правящий ракетами,
в космос обрушенными.
Люди! Вглядитесь в свои глаза.
В глаза, где столетья сверкала слеза,
В глаза — на них надевали шоры,
В глаза — их слепили дымы войны.
Сегодня глядим в космические просторы,
Осматриваем
обратную сторону Луны!

Да здравствует разум — светлый,
блестящий,
Сожженный на стольких кострах!
Но даже пеплом —
в сердце стучащий
Мракобесам всей планеты — на страх.
Все ложные истины идут ко дну,
А правда,
вчера еще невесомая,
Сегодня взлетает в небо самое
На Луну!
И повыше, чем на Луну!

Сердце людское, человеческое, доброе,
Ободранное горем,
правдою — гордое,
От страха — молчало,
От гнева — стучало,
Отчаивалось. Начинало сначала.
И все-таки — выстояло,
Все-таки — выдюжило.
Взлет — выдержало.
Спуск — выдержало.
И снова готово
Дерзать и бороться,
Как сердце первого
Космопроходца!

* * *

Кто сильней человека,
Кто слабей человека,
Скажи?

Человек за земные шагнул рубежи,
Грозный атом разъял,
Но остался он хрупким сосудом,
Той же чашей тончайшей,
Той же кровью прозрачной,
Пульсирующей по сосудам.

Человек — он гигантские скалы взрывает,
Но ничтожная пуля
Его убивает,
Живого —
И незримая пуля,
И жестокая шутка,
И суровое слово.

Человек не сравнится и с ящеркою
полевой:
Отрубите ей хвост —
Прирастет, как ни в чем не бывало.
Или червь дождевой —
Разрубите его пополам,
Он живой,
И живет как ни в чем не бывало.

Кто на свете сильней человека
И кто человека слабей?
Он тончайшая чаша,
Прозрачный и хрупкий сосуд.
Но зато он богов
Призывает на суд,
Восстает
На богов,
На врагов,
На пинки,
На клинки —
И на всё, что мешает ему
Покорять мирозданье,
Из вонючей пещеры
Подняться в подзвездную высь
И шагать к человечьему счастью
Сквозь страданья.

* * *

А вам не казалось,
а вы не мечтали,
когда, прорываясь сквозь дальние дали,
к ногам вашим падали дольки звезды,
когда вы склонялись над тайной,
сокрытой
в куске тепловатого метеорита,
и были бесплодны ночные труды —
а вы не мечтали,
а вам не казалось,
что эта вот
звездная мелочь и малость
частицею спутника прежде была,
что спутник был пущен
с планеты далекой,
летел,
но взорвался
и сгинул до срока,
а долька — немножко тепла сберегла?

Дрожат
под падучими звездами земли

далеких,
незнаемых нами планет,
приемля куски
и осколки приемля,
которым у нас объяснения нет.
Планетич и звездич, конечно, не знает,
что спутник запущен
Страною Труда,
и тамошний лирик,
наверно, слагает
стихи под названьем «Упала звезда».

* * *

Зря со мной вы меряетесь силами.
Зря кричите голосами сиплыми.
С этим миром связан я давно,
я и он —
мы, в сущности, одно.

Где-то в небе
спутник новый кружится.
Где-то в Кубе
трон тирана рушится.
Мой державный вымпел —
на Луне.
Отчего ж не радоваться мне?

Стоит мне
лишь выйти на порог
и увидеть,
как мой мир широк,
поглядеть
на выси эти горные,

на дома,
высокие и гордые,

на знакомых,
чьим я гостем был,
вспомнить песню
ту, что позабыл,
женщину увидеть в отдалении,
дописать строку в стихотворении —
и опять поет моя душа,
этим миром солнечным
дыша.

Лишь о том грущу,
что этой меркою
мерял не всегда
обиду мелкую.
Ведь пока я холил
ту обиду,
кто-то спутник вывел на орбиту,

где-то судно подняли на стапели,
где-то новый памятник поставили
и вино цедили из мехов —
к сожаленью,
без моих стихов.

ДЕРЕВО

Я мальчишкой —
тряс твои ветки крепкие.
Я срывал плоды твои,
еще терпкие.
Твои гнезда я разорял
без жалости,
Просто так твои ветки ломал —
из шалости.

На коре твоей —
юношей —
имя вырезал
(Так я чувства к любимой
в ту пору выразил).
Я в твоей тени
назначал свидание,
Пировал с друзьями
в то время давнее.

А теперь все чаще,
при каждом случае,
Я смотрю на корни твои
могучие,
Чтоб понять ту силу
неодолимую,
Что тебя связала
с землей родимою.

* * *

В мою душу
примерно тысяча рек впадает.
И тысяча разных дорог —
лесных и степных.
И каждое чувство
чувство во мне рождает,
и каждое новое
непохоже на сто иных.
А еще в нее тихо сыплется
на рассвете
абрикосовый розовый цвет
и листва тополей.
А еще в нее входят все краски,
что есть на свете,
синева небес и воды
и зелень полей.
И ягненка блеянье,
и влюбленный шепот свиданья,

и неслышный шорох серпа
в родимом краю,
новорожденных крик,
похоронного марша рыданья —
ежедневно все это вливается
в душу мою.
...Больше тысячи рек
вливаются в мою душу,
и я бы, конечно,
вместить их в себе не мог,
когда б из моей души
не рвался наружу
моих скромных песен
маленький ручеек.

* * *

Я предчувствую:
во мне назревают стихи.
Я предчувствую это,
как час любви,
когда, еще не видны и тихи,
уже плывут
ее корабли.
Я предчувствую это, как в голосе дрожь,
как запах цветка,
как крик коня,
как дверь, в которую не был вхож,
но уже распахнутую
для меня.
Пересыхает моя гортань.
Я словно зверь в голубом лесу,
внезапно почуявший:
где-то лань
робкая,
рога на весу.

И я замираю.
                        И меня уже нет.
Я весь — ожидание, трепет, боль...
Где моей лани тревожный след?
Что меня ждет:
                        тишина или бой?
Я разобраться в этом стремлюсь:
вот ближе оно,
                        вот оно — в груди,
оно захватило...
                        И я молюсь:
только не выдай, не подведи!
Чтобы в кажущейся
                        тишине
не обратилась любовь — в игру,
не показался бы ланью мне
суслик,
            прячущийся в нору.
Чтоб не пришлось мне, оторопев,
выдохнуть искаженным ртом
вместо песни —
                        скучный напев
и раскаиваться потом.

СОДЕРЖАНИЕ

Эмин Геворг Григорьевич

ПЕРЕД ЧАСАМИ

М., «Советский писатель», 1962, 144 стр.

Редактор *Д. Н. Голубков*
Художник *Е. М. Галинский*. Худож. редактор *Е. Ф. Капустин*
Техн. редактор *З. Г. Игнатова*. Корректор *Л. Г. Соловьева*

Сдано в набор 20/III 1962 г. Подписано в печать 26/VI 1962 г.
А 05657. Бумага $70\times90^{1}/_{32}$. Печ. л. $4^{1}/_{2}$ (5,26). Уч.-изд. л. 3,73.
Тираж 4500 экз. Заказ № 638. Цена 18 к.

Издательство «Советский писатель», Москва К-9,
Б. Гнездниковский пер., 10

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза, Ленинград,
Красная ул., 1/3

18 коп.

